

Почему в современном мире будущее заменяют прошлым: история возвращается?

Филюшкин Александр Ильич, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Контактный адрес: a.filushkin@spbu.ru

АННОТАЦИЯ

В последние два-три десятилетия наблюдается прогрессирующий рост интереса к истории. Ученые видят причины этого в политической ситуации, росте националистических настроений и «войнах памяти». В статье предлагается гипотеза, согласно которой истоки этого явления лежат значительно глубже: в глобальных переменях человеческой культуры, связанных с представлениями о времени, изменениями взглядов на роль прошлого, а также соотношением прошлого и настоящего и возможности прогнозирования будущего. История вытесняется исторической памятью, функционал которой лежит в основном в сфере исторической политики и социальных практик. Отсюда парадоксальность происходящего: роль исторической науки умалывается, а роль исторического знания растет. Большое значение здесь имеет современная информационная ситуация и тотальная цифровизация. Благодаря им прошлое и будущее превращаются в «расширенное настоящее», а историческое знание становится гигантским палимпсестом, который постоянно переписывается. Отсюда – тренд на реполитизацию истории, призывы к восстановлению ее этической компоненты, ее роли как «учительницы жизни», юридическая и этическая востребованность исторического знания, которое выступает аргументом в обвинениях и оправданиях стран и народов (этот процесс называется юридикацией истории). Конъюнктура в угоду «правильной» современной политике больше не считается дискредитирующим обстоятельством для историков. Напротив, им вменяется в обязанность выступать судьями или адвокатами на суде потомков над прошлым. Все эти тенденции в контексте окончания темпорального режима модерна и всеобщей дигитализации ведут к размыванию дистанции между прошлым и настоящим и превращению истории в «расширенное настоящее», потому что именно цели и задачи настоящего обуславливают бесконечный пересмотр прошлого, переписывание истории. Этот вывод важен для понимания происходящих процессов. Современный рост ретротопии, изменение роли исторического знания, тренд на реполитизацию и реабилитацию презентизма – это не негативная политическая конъюнктура, которую можно исправить или сдержать. Это результат глобальных тенденций в области культуры в широком смысле этого слова. В конечном счете они могут привести к перерождению исторической науки и исторического знания в новую метасистему, отличающуюся от привычной нам роли истории эпохи модерна.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

презентизм, темпоральность, модерн, постмодернистский вызов, историческая этика, прошлое, дигитализация культуры

Первая четверть XXI в. знаменовалась резким ростом «одержимости историей» (название книги А. Ассман)¹. Ретротопия (по определению З. Баумана, «тоска по прошлому, идеализация того, что было и безвозвратно ушло»²) стала важной компонентой не только культуры, но и политики. Этот феномен обычно связывается с бурными пертурбациями XX в., породившими в людях массовое чувство утраты, психологической травмы. Они грустят об оставшемся в прошлом прекрасном мире, о «потерянном рае»³. Изменения политического ландшафта и рост национализма на Балканах и в Центрально-Восточной Европе, на постсоветском пространстве также способствуют обращениям к истокам и историческим аргументам в «войнах памяти» и политическом противостоянии⁴.

Однако масштабы ретротопии и ее проникновение в различные сферы политической жизни и культуры таковы, что данные объяснения популярности этого феномена кажутся недостаточными. Историческое знание сегодня выступает эффективным инструментом в переформатировании наций и стран, в формировании этических, аксиологических и мотивационных систем, в нациестроительстве и в национальной деконструкции. Объяснить резкое возрастание его роли только травмой⁵, ностальгией или национализмом вряд ли будет достаточным, ведь эти факторы существовали и раньше, не только в последние десятилетия.

В чем же причина нынешнего активного обращения к истории? Неужели возвращаются золотые времена «века историков» – XIX в., с его романтическим национализмом, активным нациестроительством и верой в возможность социального прогресса; столетия, когда историкам во всех названных аспектах внимали, как оракулам. И главный вопрос – возвращается история, или что-то другое, что мы только по привычке называем «знанием о прошлом»?

Современная историографическая ситуация не располагает к оптимизму в области истории. В плане методологии поле исследования стало дискретным, и представитель клиометрии с трудом поймет ученого, занимающегося исторической антропологией. И их обоих раскритикует исторический позитивист. Последние 30–40 лет методология истории отравлена лингвистическим поворотом и «постмодернистским вызовом»⁶. «Конец истории», провозглашенный Ф. Фукуямой, рост непрофессионального исторического знания, востребованного в коммерческой и развлекательной сферах, разочарование в историках как политических конъюнктурщиках, казалось, нанесли статусу исторического знания в науке и культуре непоправимый удар.

Однако в последние два-три десятилетия наблюдается прогрессирующий рост интереса к истории. Самый простой путь – объяснить это политикой, национализмом, «войнами памяти», историческими травмами. На самом деле истоки необходимо искать и в тектонических переменах в человеческой культуре,

1 Ассман 2019, 196.

2 Bauman 2017, 10.

3 Boyt 2002, 15, 18, 56–57; Becker 2018, 234–250; Landwehr 2010, 251–268; Lorcin 2018, 269–285.

4 Мобилизованное средневековье 2021.

5 Именно травму и механизмы ее межпоколенческой передачи Д. ЛаКапра считает инструментом, способным расширить дихотомию «история – память» (LaCapra 2016, 375–400).

6 Очень любопытную статистику приводят Б. Бевернаж и его коллеги. Они проанализировали 13 953 книг, статей, диссертаций по методологии истории, опубликованных с 1945 по 2014 гг. В период 1945–1969 гг. наиболее часто упоминаемыми ключевыми словами были религия / теология / секуляризация, в 1970–1984 гг. – марксизм / исторический материализм, а в 1985–2014 гг. – лингвистический поворот и постмодернистский вызов (Bevernage 2019, 406–436).

представлениях о времени, изменении взглядов на роль прошлого, соотношении прошлого и настоящего и возможности прогнозирования будущего. История вытесняется исторической памятью, функционал которой лежит в основном в сфере исторической политики и социальных практик.

Огромную роль здесь играют современная информационная ситуация и тотальная цифровизация. Отсюда – легализация тренда на реполитизацию истории. Если раньше обвинения в политической тенденциозности дискредитировали историков, то сегодня, напротив, общество требует, чтобы они служили «правильной политике». Звучат призывы к восстановлению этической компоненты истории, ее роли как «учительницы жизни». Историческое знание оказывается востребованным прежде всего в юридическом и этическом аспектах. Оно выступает аргументом в политических обвинениях и оправданиях стран и народов, и в конечном счете выстраивает в исторической геополитике негласную иерархию этих стран и народов.

Здесь важно понять, что современный рост ретротопии, изменение роли исторического знания, тренд на реполитизацию и реабилитацию презентизма – это не негативная политическая конъюнктура, которую можно исправить или сдержать. Это результат глобальных тенденций в области культуры в широком смысле этого слова. Если приводимые наблюдения верны, неизбежно перерождение исторической науки и исторического знания во что-то новое, отличающееся от привычной нам роли истории эпохи модерна.

Историографическая ситуация

К концу XX в. роль истории в человеческой культуре сильно снизилась. История перешла в область или чистой науки, или историко-культурного наследия, или коммерческо-развлекательной сферы, стала поставщиком контента для рекламы, фильмов, туризма, праздников, ритуалов и т.д.¹ Крушение тоталитарных режимов, когда воспетые учеными герои превратились в преступников и, наоборот, «враги народа» стали подвижниками, принесло историкам стойкую репутацию лжецов и конъюнктурщиков, меняющих свои взгляды в зависимости от политической линии. «Постмодернистский вызов»² и «лингвистический поворот»³ в 1970–1980-е гг. нанесли удар по методологии исторического знания, поставив под сомнение саму способность историков релевантно описывать прошлое⁴. Причем на этот вызов со стороны историков-позитивистов так и не последовало внятного ответа, хотя во многом и под его влиянием в гуманитарном знании начался «культуральный поворот»⁵. Тесно связанная с конструктивизмом концепция ирреализма объявляла, что люди прошлое не находят, не обретают через его изучение (или воспоминание) – они его создают в соответствии с актуальным социальным опытом⁶. В таком случае реальное прошлое становится неваж-

1 Бойцов 2006, 91–108.

2 Jenkins 1997; White 1975; Ankersmit 1994.

3 Обзор историографии см.: Потапова 2015.

4 См. анализ роли постмодернистского поворота в современной историографии: Spiegel 2007, 1–19; Rüsen 2020, 92–102.

5 Burke 2018.

6 Roth 2012, 313–339.

ным, а важными – социальные и культурные установки настоящего, пусть самые воображаемые.

Наконец, Ф. Фукуяма провозгласил в 1992 г. «конец истории»¹, связанный с победой либеральных режимов. Все это в сочетании с глобализацией, культуры которой в принципе оставляет Клио «слишком мало шансов выжить» (образ, блестяще обрисованный М.А. Бойцовым²), задвигало историю куда-то на задворки гуманитарного знания. Казалось, что людям, закончившим исторический факультет, вот-вот придется выбирать между трогательной «башней из слоновой кости», занятиями чистой наукой в рядах узкой касты профессионалов, и написанием сценариев для исторических блокбастеров.

Почему история вернулась?

Почему наступила «одержимость историей»? Как наши интересы оказались подчинены ретротопии, и по каким причинам исторический фактор вновь стал значимым в культурной, национальной, политической жизни (в том числе на уровне международных отношений)? Что изменилось в мире, чтобы история как отрасль знания вновь обрела важные позиции?

Во второй половине XX в. постепенно наступил конец темпорального режима модерна³. Линеарная схема модерна «прошлое – настоящее – будущее» утратила свой важнейший компонент, с которым была связана идея прогресса – будущее. Сегодня наблюдается практическое исчезновение категории будущего из актуальной повестки дня. Есть некоторое (впрочем, не очень уверенное) представление о научно-технической революции (НТР), о будущем науки и техники, а также апокалиптические прогнозы по экологии, климату и демографии, к которым в последнее время под влиянием пандемии COVID-19 добавилась вирусология. Но в социально-политической сфере, которая как раз более всего в XIX–XX вв. вдохновляла авторов утопий и антиутопий и где наибольшим образом были задействованы историки, сегодня нет конвенциональных теорий, сильно влияющих на умы. Возникающие идеи «постчеловеческого мира» вряд ли можно назвать универсальными. Как отметил З. Саймон, «в последнее время на человеческом горизонте маячит постчеловеческое. Тем не менее нет общего понимания того, что может означать постчеловеческое будущее, и напряженность между научно-технологической перспективой постчеловечества и критическим постгуманистическим исследованием гуманитарных наук становится ощутимой»⁴.

Раньше идеи социального или национального светлого будущего сокрушали империи и создавали новые государства и народы, а сегодня таких идей, овладевающих массами в сколь-либо значимых масштабах, просто нет (национализм локален, либерализм слишком замкнут на приобщение к благам и ценностям «цивилизованного мира», игнорирует интересы остальных, а антиглобализм маргинален). В практической политике господствует прагматический подход с

1 Fukuyama 1992.

2 Бойцов 2006, 91–108.

3 Assmann 2013.

4 Simon 2019, 171–184.

программами развития в лучшем случае на несколько десятилетий вперед. Причем многие программы никогда не будут выполнены полностью.

Казалось бы, как утрата внятных представлений о будущем влияет на науку о прошлом? Но история в эпоху модерна во многом была именно наукой о будущем, поскольку была призвана объяснить происхождение народов и государств, как они дошли до своего современного облика, и, главное, вывести из прошлого направления будущего пути, куда их понесет поток истории. Собственно, эта прогностическая компонента и обеспечивала высокий статус исторической науки в XIX – первой половине XX вв. Ради нее пытались вывести законы истории, придать историческому знанию статус точной науки. Затем, по мере обнуления прогнозов, вера в аналитические способности истории пошатнулась и к XXI в. окончательно ушла из исторической сферы в область антиутопий и апокалиптики.

Какое прошлое нам нужно?

В результате от линейной схемы исторического процесса остались два компонента: прошлое и настоящее. С ними происходят дальнейшие трансформации. В области культуры и общественного сознания представления о прошлом (собственно, история) все больше подменяются исторической памятью. Именно с памятью связан рост ретротопии и ностальгии. Еще один из главных теоретиков *memory studies*, автор концепции «мест памяти», французский ученый П. Нора предостерегал от отождествления истории и памяти, указывал на их разные функции¹. Но сегодня историками битва фактически проиграна: актуальная историческая политика определяется не научными достижениями, а памятью (или тем, что под ней понимается), и направлена на формирование памяти, ведение «войн памяти».

Победил, если можно так выразиться, «ремонтный подход» к прошлому: оно неправильное, представления о нем устарели и обветшали (или предлагаемые трактовки прошлого – некорректны). Его надо «отремонтировать», усовершенствовать в соответствии с современными требованиями и задачами и в таком виде преподнести обществу как новую истину, «заккрытие белых пятен», источник современных ценностей, идеалов и мотиваций (что, по мнению А. Ассман, совпадает с современным социокультурным трендом на ресайклинг)². К. Лоренц назвал эту функцию памяти «терапевтической альтернативой» истории³, которая врачует болезни общества, осуждая одни «исторические недуги» и оправдывая другие страницы прошлого. Э. Руниа утверждает, что эффективная память должна начинаться с вопроса, который мог бы задать Дж. Вико: «Кто мы такие, чтобы это могло произойти?»⁴.

Это не «история как знание» (и тем более не «история как наука»), это сконструированная память, искусно притворяющаяся «подлинной историей». Прошлое превращается в своего рода палимпсест, в котором поверх смытого текста

1 Нора 1999, 17–39.

2 Ассман 2019, 31.

3 Lorenz 2019.

4 Runia 2007, 314–317.

написан новый, правильный, соответствующий задачам текущего момента. Все это оформлено как восстановление истины и справедливости, приведение наших представлений о прошлом в соответствие с подлинной «памятью народа». Хотя чаще всего это конструкт памяти, создание которого инициировано политикой и культурой, но отнюдь не вызвано посылами, исходящими из глубин коллективной памяти.

Создание в Восточной Европе национальных Институтов исторической памяти, музеев национальной истории является симптомом этого процесса. Основанные под лозунгом «восстановить правду, историческую справедливость», они на самом деле занимаются переформатированием исторической оптики, цель которого – поставить трагедию народов региона в годы СССР и Второй мировой войны на один уровень с Холокостом, изобразить народы Восточной Европы главной жертвой Второй мировой и тем самым легитимизировать актуальную антироссийскую политику и обеспечить этическое превосходство курса на «европейские ценности».

Историческая память занимает в этой системе центральное место, поскольку она ассоциируется с этическим и гражданским долгом¹. Недаром в последние годы в разных странах стали так популярны различные законы, наказывающие за отрицание или пропаганду тех или иных сюжетов из прошлого. Например, французские закон Гейсо 1990 г., вводящий ответственность за отрицание Холокоста, и закон Тобиры 2005 г., регулирующий «сбалансированное» изображение периода французского колониализма. В ряде стран приняты законы, дающие оценку геноциду армян в 1915 г., Холокосту, итогам Второй мировой войны, законы о запрете отрицания преступлений нацизма, законы о запрете отрицания преступлений коммунизма и т.д.². Не стоит недооценивать силу цензуры общественного мнения, подвергающего моральному ostracism деятелей со взглядами, несовпадающими с принятыми сегодня трактовками. Произошла, по выражению Ф. Артога, «юридификация» прошлого. Она «...предполагает понижение статуса исторического прошлого и сворачивание автономии исторической профессии»³. По Ф. Артогу, реальное место современной истории – суд, реальная роль историка – свидетельствующий эксперт⁴.

Политическая конъюнктура или культурный тренд?

Было бы упрощением считать, что превращение истории в палимпсест и доминирование исторической памяти является результатом политической конъюнктуры. К сожалению, все не так прозрачно. Конъюнктуру, так или иначе, можно разоблачить и тем самым делегитимизировать, по крайней мере в глазах менее идеологизированной части аудитории. А вот если перед нами культурный тренд, результат развития человечества, то спорить с этим гораздо труднее. Нам представляется, что в данном случае нескрываемый презентизм исторических трактовок – это не столько чей-то тенденциозный умысел, сколько тренд, отра-

1 Ассман 2019, 11.

2 Подробнее см.: Korosov 2018; Курилла 2022, 152–168.

3 Hartog 2015, 201–202. Перевод цит. по: Lorenz 2019.

4 Ibid.

жающий базовые черты современной культуры человечества. И именно поэтому данному тренду трудно что-то противопоставить, особенно в сфере исторической политики на международном уровне. Его нельзя опровергнуть с позиций знания и логики, апеллируя к истине, потому что аргументы никто не будет слушать и воспринимать. Их просто отменяют в стиле *cancel culture*.

Главной причиной формирования этого тренда являются революционные изменения в информационной среде, а именно – дигитализация информационного пространства. Она уже привела к тому, что за последние годы человечество произвело информации больше, чем за всю предыдущую историю своего существования¹. Особенностью современных цифровых сетей является то, что «время в них как бы замирает»². Интернет – это огромный палимпсест, сущность которого заключается в постоянном переписывании информации, причем различить старое и новое способен специалист, но не массовый пользователь.

Поскольку сфера Интернета сегодня – главная область информационного поля, именно здесь сделан гигантский шаг к стиранию границ между прошлым и настоящим. На наших глазах происходит глобальная культурная революция. Интернет впервые сделал историческое знание массовым, общедоступным, всепроникающим, обширным. Научные монографии, по выражению Э. Ригни, уступили свою монополию на «подлинное знание» об истории интернет-страницам³. Это знание формируется самими пользователями: помимо легко формируемых интернет-архивов на любую тему, любая личная страница в социальных сетях уже является историческим источником, где ее владелец пишет свою публичную личную историю. Нюанс в том, что эта история легко изменяема из настоящего. Мы можем в любой миг переписать любой эпизод нашего прошлого и представить его в свете, который нам нравится в данный момент.

Новые электронные медиа обрушивают на современность гигантские потоки прошлого, что, по словам Х. Гумбрехта, порождает принципиально новую ситуацию, которую он именует «расширенным настоящим»⁴. Прошлое – это то, что произошло, свершилось, оно неизменяемо. Историк занимается именно законченными, свершившимися явлениями и событиями. На этих постулатах стояло все историческое знание от древности до современности. Сегодня же оказывается, что нет ничего свершившегося и завершенного: мы легко меняем с помощью цифровых технологий наши знания о прошедшем, переписываем прошлое, изобретаем его в соответствии с запросами наших дней.

По словам Х. Гумбрехта, «...настоящее расширяется настолько, что прошлое не способно остаться позади, оно оказывается целиком включенным в настоящее»⁵. На экранах многочисленных компьютеров во всем мире прошлое оживает (причем часто в буквальном смысле – в компьютерных играх, например). Оживает – и становится настоящим, прекращает существовать как про-

1 Опубликованы данные за 2008–2011 гг. По данным IDC, в 2011 г. данных было создано более 1,75 зеттабайт, что на порядок больше, чем в 2006 г., а в период между 2009-м и 2020 г. объем данных увеличится в 44 раза и составит 35 зеттабайт. Это больше, чем за всю историю человечества от первобытной эпохи до 2008 г. (Найдич 2012). До 2022 г. этот объем увеличился в разы.

2 Ассман 2019, 170.

3 Rigney 2010, 110–111.

4 Gumbrecht 2014, xiii.

5 Перевод цит. по: Ассман 2019, 177.

шное. К. Фогу утверждает, что исторические видеоигры «...бросают вызов семиотическому производству “исторических событий”, характерному для построения современного исторического сознания. Иными словами, исторические видеоигры заменяют репрезентацию симуляцией, а присутствие – виртуальностью, тем самым маргинализируя колебания современного исторического воображения между историческими фактами и историческими событиями, трансцендентностью и имманентностью, репрезентацией и присутствием»¹.

Ф. Артог утверждает, что победа настоящего над прошлым и доминирование презентизма в историческом знании наступили после 1989 г.². Перефразируя знаменитое высказывание К. Маркса, К. Лоренц пишет: «По Европе 2018 г. бродит призрак – призрак презентизма»³. Историческое время больше нельзя изобразить в виде стрелы (символ линейной схемы эпохи модерна) или спирали – теперь это пульсирующая точка. Ф. Артог считает, что доминирование презентизма превратило его в «черную дыру» во времени: «...он поглощает как свое прошлое, так и свое будущее»⁴.

Таким образом, множество факторов указывает на то, что вслед за утратой будущего мы видим перерождение в человеческой культуре фундаментальных представлений о прошлом, об истории. Остается одно большое, расширенное настоящее, в котором живы Александр Невский, Иван Грозный, Николай II, Ленин, Сталин, в котором до сих пор происходят Октябрьская революция и Вторая мировая война. Они относятся не к прошлому, а к настоящему. Все эти образы и события являются действующими аргументами в современной политике: вопрос о том, ставить или нет памятник Ивану Грозному, волнует общество не меньше, чем актуальные проблемы текущей политики. Это не ревизионизм, а реинкарнация исторических событий в воображаемом настоящем. Как вслед за Ф. Артогом сказал К. Лоренц: «Теперь мы все населяем новую, можно сказать, даже одномерную территорию памяти, в которой... мы все стали современными»⁵. Х. Гумбрехт утверждает, что сегодня прошлое никак не может закончиться, оно остается непрошедшей, незавершенной историей⁶. Многие интеллектуалы пытались афористично сформулировать эту ситуацию: «Со времен Аушвица не прошло и дня» (М. Вальзер), «Прошлое, которое не хочет уходить» (Э. Нольте) и др.⁷

Медиевализм как явление современного исторического сознания

Показателен в данном случае такой феномен, как медиевализм. Медиевализмом называют использование средневековых образов в современной культуре, в том числе массовой, искусстве, коммерции, политике. Диапазон обращения к

1 Fogu 2009, 116–117.

2 Цит. по: Олейников 2021, 14.

3 Lorenz 2019.

4 Ibid.

5 Hartog 2015, 102–103; Lorenz 2019.

6 Gumbrecht 2014, 31.

7 Ассман 2019, 194, 205.

этим символам весьма широкий – от торговых марок и туристических маршрутов до политической этики. Х. Булл в 1977 г. предложил теорию, объясняющую устройство недемократических режимов с помощью обращения к Средневековью: с его точки зрения, в них правят кланы и группировки, «неосредневековые тираны», чья этика куда ближе к средневековой, чем к современному либерализму и демократии¹. Г. Ольсен², М. Норелль³ и Дж. Раплей⁴ определяли современные общества ряда стран Африки и Азии как принадлежащие к «новому средневековью», которое характеризуется ослаблением роли государства на фоне борьбы кланов, опирающихся на традиции аграрного общества.

Однако инвективы в неосредневековье распространяются не только на Африку и Азию. Б. Холсингер предположил, что средневековизм повлиял на формирование политических концепций «холодной войны»⁵. А. Эллиот увидел средневековые идеи в теракте норвежца А. Брейвика 2011 г. и в доктрине «нового крестового похода» президента США Дж. Буша⁶. Р. Утц обвинил в приверженности идеалам Средневековья президента США Д. Трампа, увидев в проявившихся в срок его президентства «маскулинные, националистические и расистские настроения» влияние «практик и ментальностей эпохи Средневековья»⁷.

У. Эко вообще определил наше время как «Новое Средневековье»: Средние века наступили после падения Великой Римской империи, казавшейся вечной, и в XX в. мы видим падение империй. Эко перечисляет признаки Средневековья в современной жизни: неуверенность в будущем, ожидание апокалипсиса, экологические проблемы, кочевничество и неокочевничество, массовые исходы населения и миграции, автономизация территориальных анклавов по национальному и религиозному принципу, гибридные войны, когда война не объявлена и тем не менее идут боевые действия и гибнут люди; «по этим обширным территориям, где царит неуверенность, перемещаются банды асоциальных элементов, мистиков или искателей приключений»⁸.

Средневековые образы часто привлекаются в прогнозах о том, что будет после грядущей катастрофы человечества. Помимо их использования в фильмах и литературе, они широко привлекаются в публицистике апокалиптической направленности (например, книга Р. Вакки⁹) и даже в работах аналитиков, например так называемой Принстонской группы, которая в 1950-е гг. совместно с Центральным разведывательным управлением США вырабатывала рекомендации по внешней политике¹⁰.

Перечень подобных примеров можно продолжить, но необходимо подчеркнуть один принципиальный момент. Во всех этих случаях используется не научное знание о настоящем Средневековье, а его образ, сформированный нарративами XIX–XX вв. и массовой культурой. Это Средневековье «Игры престолов»,

1 Bull 1977.

2 Olsen 2003, 94–120.

3 Norell 2003, 121–137.

4 Rapley 2006a, 18; Rapley 2006b, 95–103.

5 Holsinger 2010, 900–910.

6 Elliott 2017, 45–67.

7 Utz 2019, 166–170.

8 Эко 1974, 259–260.

9 Vacca 1974.

10 Holsinger 2010, 898–899.

«Властилина колец» и «Ведьмака». Перед нами обращение не к реальному прошлому, а к симулякру Средневековья (пользуясь терминологией Ж. Бодрийяра)¹ – симулякру, который создан в наши дни, но умело маскируется под прошлое и замещает его в нашем сознании. Вместо подлинного прошлого мы оперируем придуманным нами же симулякром, что опять-таки ведет к созданию «расширенного настоящего» Х. Гумбрехта и утрате чувства истинного прошлого.

Ни прошлого, ни будущего – одно «расширенное настоящее»

Сужение исторических горизонтов до «расширенного настоящего» меняет представления об истории и ее роли как объяснительного метарассказа. История, как отметила А. Касабова, обеспечивала связь между прошедшим и настоящим как семантическое отношение основания и следствия: прошедшее событие – это антецедент, обосновывающий настоящую ситуацию, объясняющий, почему история сложилась так, как сложилась². Если история востребована преимущественно как память, как «расширенное настоящее», то ее релевантность событиям прошлого менее важна, чем ее использование в интересах современности. Описанное семантическое отношение просто не нужно: не основание формирует следствие, а следствие (нынешняя ситуация) первично, под него подгоняются, воображаются обстоятельства.

Отсюда парадокс нашего времени: раньше переписывание истории считалось обвинением, дискредитирующим обстоятельством для историков. Сегодня такие инвективы выдвигают против идеологических оппонентов, а за собой оставляют право исторического конструирования в интересах нации, международного престижа и т.д. Раньше за конъюнктуру критиковали, по крайней мере в среде историков-профессионалов. Сейчас о ней все знают, но закрывают глаза на предвзятость исторического нарратива, если он служит «правильным» целям и задачам. Голоса профессиональных историков, апеллирующих к исторической истине, при этом вообще не слышны.

Превращение истории в «расширенное настоящее» означает возвышение роли истории, но не историков. Историческая аргументация активно используется политиками, деятелями культуры и простыми обывателями – спорщиками в социальных сетях. «Бои за историю», «войны памяти» не просто перестали быть привилегией профессиональных историков, они в принципе теперь происходят в основном на общественно-политических площадках. Профанное знание при «расширенном настоящем» более востребовано, чем профессиональное, потому что оно больше отвечает задачам современности, поддается конструированию в актуальных направлениях. Журналист, политик и блогер в глазах общества сегодня куда более авторитетны, чем историк, чем ученый.

Огромную роль в интерпретации истории как «расширенного настоящего» сегодня играют СМИ. А. Хейссен писал, что именно их деятельность привела к размыванию темпоральных границ³. История происходит на глазах лю-

1 Baudrillard 1994.

2 Kasabova 2008, 331–350.

3 Huysen 2003, 1.

дей, но благодаря репортажу она стала происходить в прямом эфире. События историоризируются чуть ли не быстрее, чем происходят (поскольку некоторые исторические шаги анонсируют именно СМИ). Как пишет Ф. Артог, эту роль СМИ обрели еще в XX в. (отправной точкой он называет судебные репортажи о «деле Дрейфуса» 1906 г.)¹. В наши дни, когда заседания парламентов, войны и катастрофы транслируются на телевидении и в Интернете в режиме реального времени, окончательно притупляется чувство границы между прошлым и настоящим. Историк как летописец сдал свое место репортеру.

Отсюда и попытки в последние годы заявить о необходимости реполитизации истории², реабилитации исторического презентизма³, возвращении истории статуса «учительницы жизни». Прошлое, как пишет Х. Уайт, должно быть практическим, полезным, помогающим принимать мотивационные решения⁴. Тогда история наконец утратит репутацию бесполезной науки, которая, по печально известному выражению, «учит только тому, что ничему не учит», и, напротив, станет необычайно полезной. Реполитизация истории оказывается необходимой для легализации конъюнктурной исторической политики, прежде всего в образовании, «законов о памяти», политической аргументации на международной арене. Это шаг назад от истории как науки, но шаг, возвращающий истории ее социальную и культурную роли, которые были присущи ей изначально, в домодерный период начиная с Геродота. Этот призыв, как заметил Б. Бевернедж, звучит не в первый раз – историки и философы от Ф. Ницше до К. Дженкинса выступали против «одержимости» историей в пользу этики, нацеленной на настоящее⁵.

Насколько устойчива эта тенденция, и насколько она изменит представления человечества о сущности и пользе истории – покажет время. Очевидно одно – роль истории в мире не будет прежней. Человечество обретает новое самоощущение своего прошлого и хочет иметь над ним больше власти, чем предыдущие поколения. Люди больше не ищут свои корни в глубине веков – они конструируют эти основы идентичности в соответствии с канонами современности и помещают их в исторический контекст. Спорить с этим трендом с позиций позитивизма, то есть апеллируя к истине и научному знанию, до сих пор было малоуспешным. Возможно, нас ждут большие перемены в статусе и функционале исторического знания и его носителей.

1 Hartog 2015, 60–65.

2 Олейников 2021, 5–27.

3 Обзор развития идеи презентизма в истории см.: Савельева, Полетаев 2005, 63–88.

4 White 2014, 9–10.

5 Bevernage 2008, 149–167.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ассман, А. Забвение истории – одержимость историей. – Москва: Новое литературное обозрение, 2019.
- Assmann, Aleida. *Forgetting History is an Obsession with History*. Moscow: Publishing House "New Literary Review," 2019 [In Russian].
- Бойцов, М.А. Выживет ли Клио при глобализации? // Общественные науки и современность. – 2006. – № 1. – С. 91–108.
- Boitsov, M.A. "Vyzhivet li Klio pri globalizatsii?" *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1 (2006): 91–108 [In Russian].
- Курилла, И.И. Битва за прошлое. Как политика меняет историю. – Москва: Альпина Паблишер, 2022.
- Kurilla, I.I. *Bitva za proshloe. Kak politika menyaet istoriyu*. Moscow: Al'pina Publisher, 2022 [In Russian].
- Мобилизованное Средневековье. Т. I: Медиевализм и национальная идеология в Центрально-Восточной Европе и на Балканах / Под. ред. Д.Е. Алимова, А.И. Филюшкина. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2021.
- Mobilizovannoe Srednevekov'e. T. I: Medievalizm i natsional'naya ideologiya v Tsentral'no-Vostochnoi Evrope i na Balkanakh*, edited by D.E. Alimov, A.I. Filyushkin. Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 2021 [In Russian].
- Найдич, А. Big Data: проблема, технология, рынок // КомпьютерПресс. – 2012. – № 1. <https://compress.ru/article.aspx?id=22725&>
- Naidich, A. "Big Data: problema, tekhnologiya, rynek." *Komp'yuterPress*, no. 1 (2012) [In Russian].
- Нора, П., Озуф, М., де Пуимеж, Ж., Винок, М. Франция – память. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета, 1999.
- Nora, Pierre, Ozouf, Mona, Winock, Michel, and Gérard de Puymège. *La France, c'est la mémoire*. Saint-Petersbourg: Presses de l'Université de Saint-Petersbourg, 1999 [In Russian].
- Олейников, А. Время истории // Логос. – 2021. – Т. 31. – № 4. – С. 5–27.
- Oleinikov, A. "Vremya istorii." *Logos*, no. 4 (2021): 5–27 [In Russian].
- Потарова, Н.Д. Лингвистический поворот в историографии. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
- Potapova, N.D. *Lingvisticheskii povorot v istoriografii*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015 [In Russian].
- Савельева, И.М., Поletaев, А.В. О пользе и вреде презентизма в историографии // Цепь времен: Проблемы исторического сознания / Под ред. Л.П. Репина. – Москва: ИВИ РАН, 2005. – С. 63–88.
- Savel'eva, I.M., Poletaev, A.V. "O pol'ze i vrede prezentizma v istoriografii." In *Tsep' vremen: Problemy istoricheskogo soznaniya*, edited by L.P. Repina, 63–88. Moscow: IVI RAN, 2005 [In Russian].
- Эко, Умберто. Средние века уже начались // Иностранная литература. – 1974. – № 4. – С. 258–267.
- Eco, Umberto. "The Middle Ages have Already Begun." *Foreign Literature*, no. 4 (1974): 258–267 [In Russian].
- Ankersmit, F.R. *History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor*. Berkeley: University of California Press, 1994.
- Assmann, Aleida. *Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne*. Munich: Carl Hanser Verlag, 2013. Assmann, Aleida. *Is Time out of Joint? The Rise and Fall of the Time Regime of Modernity*. Munich: Carl Hanser Verlag, 2013 [In German].
- Baudrillard, Jan. *Simulacra and Simulation*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994.
- Bauman, Zygmunt. *Retropia*. Cambridge: Polity, 2017.
- Becker, Tobias. "The Meanings of Nostalgia: Genealogy and Critique." *History and Theory* 57, no. 2 (2018): 234–250. <https://doi.org/10.1111/hith.12059>.
- Bevernage, Berber, De Almeida, Gisele, Delanote, Broos, Froeyman, Anton, Huijbers, Patty, and Kenan Van De Mierop. "Philosophy of History After 1945: A Bibliometric Study." *History and Theory* 58, no. 3 (2019): 406–436. <https://doi.org/10.1111/hith.12124>.
- Bevernage, Berber. "Time, Presence, and Historical Injustice." *History and Theory* 47, no. 2 (2008): 149–167. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2008.00444.x>.
- Boym, Svetlana. *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books, 2002.
- Bull, Hedley. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. New York: Columbia University Press, 1977.
- Burke, Peter. *What is Cultural History?* Cambridge: Polity, 2018.
- Elliott, Andrew. *Medievalism, Politics and Mass Media: Appropriating the Middle Ages in the Twenty-first Century*. Suffolk: D.S. Brewer, 2017.
- Fogu, Claudio. "Digitalizing Historical Consciousness." *History and Theory* 48, no. 2 (2009): 103–121. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2009.00500.x>.
- Fukuyama, Francis. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press, 1992.
- Gumbrecht, Hans. *Our Broad Present: Time and Contemporary Culture*. New York: Columbia University Press, 2014.
- Hartog, François. *Regimes of Historicity. Presentism and the Experiences of Time*. New York: Columbia University Press, 2015.
- Holsinger, Bruce. "Medievalization Theory: From Tocqueville to the Cold War." *American Literary History* 22, no. 4 (2010): 900–910.
- Huysen, Andreas. *Present Past: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford: Stanford University Press, 2003.
- Jenkins, Keith (ed.). *The Postmodern History Reader*. London & New York: Routledge, 1997.
- Kasabova, Anita. "Memory, Memorials, and Commemoration." *History and Theory* 47, no. 3 (2008): 331–350. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2008.00458.x>.
- Koposov, Nikolay. *Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- LaCapra, Dominick. "Trauma, History, Memory, Identity: What Remains?" *History and Theory* 55, no. 3 (2016): 375–400. <https://doi.org/10.1111/hith.10817>.
- Landwehr, Achim. "Nostalgia and the Turbulence of Times." *History and Theory* 57, no. 2 (2018): 251–268. <https://doi.org/10.1111/hith.12060>.

Lorcin, Patricia. "The Nostalgias for Empire." *History and Theory* 57, no. 2 (2018): 269–285. <https://doi.org/10.1111/hith.12061>.

Lorenz, Chris. "Out of Time?" In *Rethinking Historical Time*, 23–42. Bloomsbury Publishing Plc, 2019. <https://doi.org/10.5040/9781350065116.ch-001>.

Norell, Magnus. "A New Medievalism? The Case of Sri Lanka." *Civil Wars* 6, no. 2 (2003): 121–137. <https://doi.org/10.1080/13698240308402536>.

Olsen, Gorm. "Neo-Medievalism in Africa: Whither Government-to-Government Relations Between Africa and the European Union?" *Civil Wars* 6, no. 2 (2003): 94–120. <https://doi.org/10.1080/13698240308402535>.

Rapley, John. "Keynote Address — From Neo-Liberalism to the New Medievalism." In *Globalisation and Governance in the Pacific Islands: State, Society and Governance in Melanesia*, edited by Stewart Firth, 7–23. Canberra: ANU Press, 2006.

Rapley, John. "The New Middle Ages" *Foreign Affairs* 85, no. 3 (2006): 95–103.

Rigney, Ann. "When the Monograph is no Longer the Medium: Historical Narrative in the Online Age." *History and Theory* 49, no. 4 (2010): 100–117. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2010.00562.x>.

Roth, Paul. "The Pasts." *History and Theory* 51, no. 3 (2012): 313–339. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2012.00630.x>.

Runia, Eelco. "Burying the Dead, Creating the Past." *History and Theory* 46, no. 3 (2007): 313–325. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2007.00412.x>.

Rüsen, Jörn. "A Turning Point in Theory of History: The Place of Hayden White in the History of Metahistory." *History and Theory* 59, no. 1 (2020): 92–102. <https://doi.org/10.1111/hith.12147>.

Simon, Zoltán. "Two Cultures of the Posthuman Future." *History and Theory* 58, no. 2 (2019): 171–184. <https://doi.org/10.1111/hith.12108>.

Spiegel, Gabrielle. "Revising the Past/Revisiting the Present: How Change Happens in Historiography." *History and Theory* 46, (2007): 1–19. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2007.00425.x>.

Utz, Richard. "Medievalism: Whence and Whither?" *Vox Medii Aevi* 2, no. 5 (2019): 48–51.

Vacca, Roberto. *The Coming Dark Age*. St. Albans: Panther, 1974.

White, Hayden. *Metahistory: the Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore: JHU Press, 1975.

White, Hayden. *The Practical Past*. Evanston: Northwestern University Press, 2014.

Сведения об авторе

Филушкин Александр Ильич,

Заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран, профессор, д.и.н.,
доцент Санкт-Петербургского государственного университета,
199034, Санкт-Петербург, Россия, Университетская наб., д. 7–9.

e-mail: a.filushkin@spbu.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 29 мая 2022.

Переработана: 15 августа 2022.

Принята к публикации: 21 сентября 2022.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Филушкин, А.И. Почему в современном мире будущее заменяют прошлым: история возвращается? // Международная аналитика. – 2022. – Том 13 (3). – С. 16–29.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-16-29>

Why in the Modern World the Future is Replaced by the Past: is History Coming Back?

ABSTRACT

In the last two or three decades, there has been a progressive increase in interest in history. Scientists see the reasons for this in the political situation, the growth of nationalist sentiments, and “memory wars.” The article proposes a hypothesis according to which the causes of the origins of this phenomenon lie much deeper: in global changes in human culture related to ideas about time, changes in views on the role of the past, as well as the relationship between the past and the present and the possibility of predicting the future. History is being replaced by historical memory, the functionality of which lies mainly in the sphere of historical politics and social practices. Hence, the paradoxical nature of what is happening: the role of historical science is diminishing, and the role of historical knowledge is growing. The current information situation and total digitalization play a huge role here. Thanks to them, the past and the future turn into an “expanded present,” and historical knowledge becomes a giant palimpsest that is constantly being rewritten. Hence, the trend towards the repoliticization of history, calls for the restoration of its ethical component, its role as a “teacher of life,” the legal and ethical relevance of historical knowledge, which acts as an argument in the accusations and justifications of countries and peoples (this process is called the legitimization of history). The conjuncture for the sake of “correct” modern politics is no longer considered a discrediting circumstance for historians. On the contrary, historians are charged with the duty to act as judges or lawyers at the trial of descendants over the past. All these trends, in the context of the end of the temporal regime of modernity and universal digitalization, lead to the blurring of the distance between the past and the present and the transformation of history into an “expanded present,” because it is the goals and objectives of the present that determine the endless revision of the past, rewriting history. This conclusion is important for understanding the ongoing processes. The modern growth of retrotopia, the changing role of historical knowledge, the trend towards the repoliticization and rehabilitation of the presentism is not a negative political conjuncture that can be corrected nor can its onset be contained. This is the result of global trends in the field of culture in the broadest sense of the word. Ultimately, they can lead to the rebirth of historical science and historical knowledge into a new meta-system that differs from the role of the history of the modern era that is familiar to us.

KEYWORDS

Presentism, temporality, modernity, postmodern challenge, historical ethics, the past, digitalization of culture

Author

Alexander I. Filyushkin,

Doctor of historical sciences, professor,

Head of the Department of the Faculty of History of Slavic and Balkan Countries,
St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Russia, Universitetskaya nab., 7–9.

e-mail: a.filyushkin@spbu.ru

Additional information

Received: May 29, 2022. Revised: August 15, 2022. Accepted: September 21, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Filyushkin, Alexander I. “Why in the Contemporary World the Future is Replaced by the Past: is History Coming Back?” *Journal of International Analytics* 13, no. 3 (2022): 16–29.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-16-29>